

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
23 (86)

ВИЗАНТИЯ
И ВОСТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1971

ЭККУССИЯ В АРМЯНСКОЙ НАДПИСИ 1051 г.

Византийское завоевание Армении и последующее владычество в X—XI вв. изучалось преимущественно в аспекте политических отношений между империей и армянскими государствами. Данные нарративных источников — армянских, греческих, арабских, грузинских — позволяют в подробностях выявить процесс последовательного продвижения Византии на восток. То было время, когда армянские династы, терпя поражение в единоборстве с византийской дипломатией и не выдерживая натиска византийских войск, оставляли свои владения василевсам и обосновывались в малоазийских провинциях империи. Там они пополняли ряды армянской знати, на протяжении столетий искавшей в Византии убежища от тягот персидского, арабского, сельджукского владычества. Прочие аспекты армяно-византийских отношений изучены много хуже. Мы имеем довольно смутное представление о характере византийского владычества. Далеко не достаточно разработаны вопросы, связанные с византийской администрацией в Тароне, Васпуракане, Анийском и Карсском царствах. И уже совсем мало известно о влиянии Византии на социально-экономическую жизнь Армении, на общественные институты страны, развитие которой протекало столь отлично от империи. Решение последней проблемы наталкивается на чрезвычайную скудость источников; сведения, интересующие исследователя, приходится подбирать буквально по крохам. Тем не менее сравнительный анализ греческих и армянских источников, в частности правильное осмысление армяно-византийской терминологии, позволяет и здесь прийти к более или менее определенным выводам.

В этой связи большой интерес представляет армянская надпись 1051 г., высеченная на южной стене церкви Богоматери в Кечаройке (ныне Цахкадзор, 40—50 км к северу от Еревана). Надпись располагается над окнами, занимает 6 строк, сохранность хорошая, чтение особых трудностей не представляет.

Надпись публиковалась четыре раза.¹ Адекватно текст воспроизведен лишь в последней из поименованных публикаций, в известном альбоме армянской палеографии, изданном Гарегином Овсепяном. Перевод надписи выполнен соответственно чтению Г. Овсепяна:

«В пятисотый год нашего торгомова счисления, в царствование святого и самодержавного императора Костандина Мавнумаха был доставлен сей золотой перстень, через который (զոր) могучий, доблестный и благо-

¹ Յ. Շ ա հ խ ա թ ու ն ե ա ն ց. *Ստորագրութիւն կաթողիկէ Էջմիածնի և հինգ դասակարգի Արարատայ. Էջմիածին*, 1842, стр. 490; Ղ. Ա լ ի շ ա ն. *Այրարատ. Վեհերիկ*, 1890, стр. 260; К. К о с т а н я н ц. *Летопись на камнях. Собрание-указатель армянских надписей*. СПб., 1913, стр. 23; Քարեգիւն [Յոգևեփան]. *Քարեկց հայ հնագրութեան. «Շողակաթ», Էջմիածին*, 1913, стр. 181—182 (№ 21) и табл. XIII.

честивый Григор Магистр, китавнит и дук Васпуракана и Таравна, Аршакид и hАйказн, многими трудами освободил (*սղախեալ էր*) великие и славные свои церкви. И ничего [взамен] он не требует, но только творить молитвы святому и самодержавному императору Костандину, а с ним рабу христову Григору и чадам его.

И учредил память в церквах Кечаройка — пока Магистр здравствует, пусть каждую субботу поминают hАсана неукоснительно, а после кончины Магистра поминают [его] неукоснительно. Итак, если кто-либо попытается перечить этому непреложному постановлению — из настоятелей ли, ишханов или [простых] священнослужителей, таковой пусть будет проклят 318 патриархами и разделит участь Иуды и убивших господя иереев.

И написано это нами — Йованэсом, божьей благодатью епископом Бджни и святым и великим отцом Барсэлом. Если кто посмеет повредить эту надпись, на него пусть падет страшное проклятие святого просветителя Григория и всех святых, и наше. Благословены выполняющие повеление этой надписи!»

Подлинное написание начальных слов — *Ի հինգ հարիւրերորդի տի*, однако уже Г. Овсепян допускал, что второе из высеченных рядом г. лишнее. В таком случае надпись датируется 500-м годом торгомова, т. е. армянского летосчисления, что соответствует 9 марта 1051 г. — 8 марта 1052 г. Климатические условия Кечаройка подсказывают, что надпись могла быть высечена в теплые месяцы 1051 г.²

Упомянутый в надписи Григорий Магистр — ученый-энциклопедист и писатель, политический и военный деятель, принадлежавший к могущественному феодалному роду Пахлавуни. Пахлавуни полагали себя потомками Григория Просветителя и армянских царей Аршакидов; Григорий Магистр шел дальше, имя hАйказн в надписи означает принадлежность к роду hАйка Титанида, легендарного прародителя и эпонима армян.³

В 40—50-х годах XI в. Григорий Магистр принимал самое действительное участие в политической жизни страны. Он был одним из тех, кто обеспечил приход к власти Гагика II, сына умершего в 1040 г. царя Ашота IV. «И собрались все нахарары Армении, — рассказывает Матфей Эдесский, — при патриархе владыке Петросе и помазали Гагика царем над всей страной армянской благодатью святого духа и повелением великого ишхана (повинуясь которому и помазал его [т. е. Гагика, — К. Ю.] пребывающий в святости великий Марцэн), а был он из рода hАйка (*հայկազան*) и по происхождению (*հայրենեօք*) Пахлавуни. Имя ему дано согласно предку его Григорию, и был он из рода святого Григория. Он кажется вторым Самуилом, который помазал Давида царем над всей страной Израильской. Он сделал Гагика царем над всей страной Армянской. . .»⁴ К. Костанянц полагает,⁵ что хронист имеет в виду не Григория

² Если в слове *հինգհարիւրերորդի* нет ошибки, тогда надпись следует датировать 503 г. армянского летосчисления, т. е. 1054 г. Предложенная выше датировка вероятнее, как в переводе, так и в последующем изложении она является исходной. Отмечу лишь, что обе датировки соответствуют годам правления Константина Мономаха (1042—1055) и на основные выводы настоящей статьи не влияют.

³ О Григории Магистре см.: М. А б е г я н. История древнеармянской литературы, т. II. Ереван, 1946, стр. 15—32 [на арм. яз.]; Р. М. Бартикян. Ответное послание Григория Магистра Пахлавуни сирийскому католикусу. Палест. сборник, 7 (70), 1962 [здесь же и литература].

Особо следует выделить книгу: Կ. Կ ո ս տ ան Ե ն Յ զ. Գրիգոր Մագիստրոսի Քղթերը. Աղէքսանդրոպոլ, 1910 (далее — Послания). Издав письмовник Григория Магистра на высоком для своего времени уровне, К. Костанянц снабдил издание большой вступительной статьей и комментарием, содержащими богатые материалы для биографии интересующего нас лица.

⁴ Մատթէոս Բւսնայեցի. Ժամանակագրութիւն. Վարդապետ, 1898, стр. 86—87.

⁵ Послания, стр. XXXVIII, прим. 2.

Магистра, а его дядю, прославленного полководца и главаря прогагиковской партии Вахрама Пахлавуни. Между тем нет ничего невероятного в том, что событиями руководил не престарелый Вахрам, а находящийся в расцвете сил Григорий. С католикосом он был в дружеских отношениях, первые 9 посланий письмовника адресованы Петросу. Бросается в глаза, что Григорий переписывается с архипастырем как равный с равным. Когда в 1037 г. Петрос впал в немилость, он оказался под домашним арестом в Бджни — родовом замке Григория Магистра. Мне кажется, что сомневаться в достоверности приведенного отрывка из Матфея Эдесского нет достаточных оснований.

Вскоре после воцарения Гагик II во главе войска направляется в Айрарат, чтобы отразить набег «персов» (по-видимому, тюркских отрядов). При нем был «великий ишхан» Григорий. Битва произошла у Бджни и кончилась победой армян. Но вслед за этим Григорий оказался в опале, и, изливая душу вардапету Саргису Анийскому, он с горечью писал о бедственном положении Армении и о ее неразумном правителе.⁶

В 1045 г. Константину Мономаху удалось выманить Гагика из Ани. Воля юного царя была сломлена, он согласился уступить Анийское царство, получив взамен земли в Византии. Современник событий Аристакеэ Ластивертци пишет: «И пока продолжалось это испытание, Григор, сын храброго Васака, направился к императору. Был он муж мудрый, а в божественном писании сведующий как никто, поэтому видя, что Гагика не отпускают в собственную страну, он предстал перед императором и вручил ему ключи от Бджни, [передал ему] всю свою наследственную вотчину. Император воздал ему почести, Григорий получил чин магистра, [принял] назначенные в качестве местопребывания деревни и города в пределах Месопотамии, а вечное право передавать их из поколения в поколение было подтверждено грамотой и „златым перстнем“». ⁷ В этот рассказ вкралась неточность. Если верить Аристакеэсу, то Григорий стал магистром одновременно с переселением в Византию, т. е. в 1045 г. Между тем в надписи от 1042 г. (Текор), высеченной по распоряжению дочери, Григорий уже фигурирует в качестве магистра.⁸

В. Н. Бенешевич⁹ и Р. М. Бартикян¹⁰ обращают внимание на то обстоятельство, что Григорий Магистр умер в 1058 г., а уже в 1059 г. во главе фемы «Месопотамии» находился Аарон; таким образом, права Григория оказываются как будто нарушены. Но у Аристакеэса говорится о наследственных правах не на должность дука, а на владение пожалованными городами и селами в пределах «Месопотамии». Периодическая же смена стратигов, дуков, катепанов и пр. является характерной чертой фемной организации в Византии. Более того, сам Григорий поступился своими «наследственными» правами в «Месопотамии» и сделал это ради следующего — весьма значительного — шага в своей военно-административной карьере.

В 1048 г. Константин Мономах направил на Восток большое войско (до 60 000, согласно Аристакеэсу Ластивертци). Во главе были поставлены Катакалон Кекавмен, магистр Аарон и Григорий Магистр, к ним присоединился со своими отрядами грузинский князь Липарит. Кекавмен, «который имел власть над страной Армянской», был дуком бывшего Аний-

⁶ Послания, № XVIII—XX; № XXI относится к началу 50-х годов.

⁷ Повествование вардапета Аристакеэса Ластивертци. Перевод с древнеармянского... К. Н. Юзбашяна. М., 1968, стр. 84—85.

⁸ К. Костанянц. Летопись на камнях, стр. 22.

⁹ В. Н. Бенешевич. Три анийские надписи из эпохи византийского владычества. Пб., 1921, стр. 8—9.

¹⁰ Р. М. Бартикян. Завещание Евстафия Воилы (1059 г.) как важный источник по истории Армении и Грузии. Вестн. Матенадарана, 1960, вып. 5, стр. 394, прим. 7 [на арм. яз.].

ского царства, Аарон правил Васпураканом, о должности Григория ничего не говорится, он, по-видимому, оставался еще стратигом или дуком «Месопотамии».¹¹ Но уже в нашей надписи Григорий именуется дуком Васпуракана и Тарона, объединяя под своей властью два весьма значительных военно-административных округа.¹² В заглавии известного послания сирийскому католикусу о тондракитах Григорий также именуется дуком Васпуракана и Тарона.¹³ Наконец, в письме, адресованном Гагику II, в то время как тот уже был в изгнании, Григорий именует себя тэром Васпуракана, Тарона, Маназкерта, Арчэша, Беркри, Месопотамии, магистром Мономаха, вестом и дуком.¹⁴

По своему происхождению Григорий Магистр принадлежал к тому слою армянской знати, на который стремилось опереться византийское правительство. Буквально все представители фамилии Пахлавуни были отмечены какими-либо византийскими титулами. Но было бы ошибкой считать Григория только проводником византийской политики в Армении, сторонником византийской политической ориентации. Григорий не был столь решителен, как его дядя Вахрам Пахлавуни, но и он стремился отвести удар в сторону. Правда, очень скоро, раньше, чем другие, он понял неотвратимость византийского завоевания и последующего владычества и в новых условиях сполна воспользовался своими данными, чтобы сделать карьеру на имперской службе. Заслуги его были оценены: он занимал наиболее высокие на Востоке должности, награждался высокими титулами. В цитированном выше LXXIII послании Гагику II он именует себя (помимо магистра) еще и вестом, а в нашей надписи китонитом. Тот же титул фигурирует и в заглавии принадлежащего ему толкования на грамматику Дионисия Фракийского.¹⁵ Этот титул носили весьма значительные лица. Так, китонитом был дядя великого мистика Симеона (X—XI вв.), выходца из зажиточной малоазийской фамилии, который, по словам агнографа, пользовался влиянием на императоров Василия и Константина.¹⁶ В своей карьере Григорий Магистр пошел дальше всех и в середине XI в. стал главным посредником между византийским правительством и населением армянских земель, включенных в состав империи. Нет ничего неожиданного в том, что именно Григорий, «китонит и дук Васпуракана и Тарона», осуществляет волю императора, изложенную в «златом перстне».

Нетрудно догадаться, что выражение «златой перстень» употреблено здесь в качестве технического термина. Это не что иное, как византийский хрисовул, золотопечатная грамота. Согласно Аристакезу Ластивертци, Григорий Магистр, как было сказано выше, получил деревни и города в феме Месопотамии грамотой и «златым перстнем». В пространной надписи на кафедральном соборе в Ани магистр Аарон оповещает население, что он

¹¹ Повествование Аристакеза Ластивертци, стр. 94; *Մամբէնս Ունայէցի* стр. 103—104. В источниках поход датируется 1048 или 1049 г.

¹² Интересные замечания о статусе подобных, сравнительно недавно приобретенных империей территориях см.: Tadeusz Wasilewski. Le thème byzantin de Serpium-Serbie au XIe et XIIe siècle. Recueil des travaux de l'Institut d'Études byzantines, VIII. Mélanges G. Ostrogorski. II, Београд, 1964, p. 471—472.

¹³ Послания, стр. 148; Р. М. Бартикян. Ответное послание Григория Магистра, стр. 132.

¹⁴ Послания, стр. 213. Тэр — здесь правитель. В другом месте (стр. 48) Григорий пользуется древним термином *блешх*, груз. *პიტიაშხ*, греч. *πρωτάτης* в значении маркграф, правитель пограничной области. Григорий перечисляет свои одновременные должности.

¹⁵ Н. Адонц. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Пгр., 1915, стр. 223.

¹⁶ А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. *Byzantinoslavica*, I, 1967, p. 4—5.

«доставил грамоту освобождения, [скрепленную] золотым перстнем».¹⁷ Свое XLIV послание настоятелю Мармашэнской обители, озаглавленное «Отцу Состинэсу касательно золотого перстня» (*յարգազս ոսկի մատանի*), Григорий начинает словами: «Вот, высылаю грамоту с вестями, несущую на себе пышную царскую печать, [наложенную] драгоценным арабским камнем — из царского дворца, записанные цветисто и нарядно, особым образом и подписанные искристими, пламенного цвета красными чернилами императорские строки, которые никогда не увянут и не иссякнут!».¹⁸ По словам Григория, эта грамота составлена по совету благомыслящих лиц из синклита, и вот Мономах высылает ее — «могущественное слово, снабженное золотой печатью». Это послание — как бы параллель нашей надписи. Григорий сообщает Состинэсу, что труды его увенчались успехом. В грамоте воздается хвала всемогущему, который не дал угаснуть лампаде веры и пр. «Но не только это. Сие — золотой перстень о весте, патрикии и протоспафарии; он [император, — К. Ю.] выслал моим братьям пять славных титулов (*այլ և զէստ և պարթիկ և պոռաւպաթար ոսկի մատանի, հինգ իշխանութեանս փառս առարեաց եղբարցս իմ*).» Император сделал это через посредство благочестивого ректора (имя которого не называется) и его, Григория. Далее Григорий еще и еще раз напоминает о своей роли в получении хрисовула и просит настоятеля либо самому явиться, либо выслать «братьев», чтобы принять «золотой перстень» (*զոսկի մատանի*).¹⁹

Итак, упомянутый в надписи «золотой перстень» — это византийский хрисовул, которым Константин Мономах жаловал «освобождение» церквям Кечаройка. Событие настолько значительное, что бджинийский епископ Йовһаннэс счел себя вправе высечь надпись по этому поводу (Кечаройк, очевидно, входил в его епархию). Чтобы не возвращаться более к частностям, отметим, что упомянутые в надписи Йовһаннэс и Барсэл известны только по данному тексту. Что касается һАсан, то это, возможно, отец другого магистра Григория, оставившего надпись от 1003 г. на той же южной стене церкви богородицы в Кечаройке. һАсан, как и его сын, принадлежали, по-видимому, к тому же роду Паһлавуни.²⁰

Привилегия, жалованная Константином Мономахом, сводится к «освобождению» церковью Кечаройка. Речь идет, разумеется, об освобождении (полном или частичном) от государственных налогов и податей. Примеры подобного осмысления терминов а зат 'свободный', а затем 'освободить', а з а т у т ю н, 'свобода' подобрать нетрудно. «Итак, сыны свободны», — говорит Иисус, имея в виду свободу от податей.²¹ Не останавливаясь на контекстах из нарративных источников,²² обратимся к надписям, которые датируются X—XI вв. В надписи от 901 г. автор оповещает иереев об освобождении от царских налогов — *ազատ արարի*.²³ Царь

¹⁷ САН, вып. I. Городище Ани. Составил И. А. Орбели. Ереван, 1966, стр. 38, № 107.

¹⁸ Послания, стр. 103—104.

¹⁹ Послания, стр. 104. Из текста явствует, что императорская милость распространялась на пятерых, получавших по одному из трех поименованных титулов — веста, патрикия или протоспафария.

²⁰ *Քարեղին [Յովսեփեան], Քարաէզ*, стр. 179 (№ 18), табл. XI. В «Летописи на камнях» (стр. 18) надпись датируется 1033 г. Это соответствует подлинному написанию (*ՆԶԲ*), но противоречит времени упомянутых в надписи царя Гагика II и католикоса Саргиса Севанского. Гарегин Овсепян безусловно прав, усматривая ошибку в дате и исправляя на *ՆԶԲ*.

²¹ Матф. 17, 26, ср.: ἐλευθεροί εἰσιν οἱ υἱοί греч. текста.

²² Некоторые примеры можно найти в «Новом словаре армянского языка», т. I, стр. 6.

²³ *Պատմութիւն նահանգին Սրտական արարեալ Ստեփաննոսի Օրբէկեան Թիֆլիս*, 1910, стр. 178.

Смбат II в надписи от 987 г. освобождает от повинности по доставке (на плечах) грузов — *ազատեցի... զշախախաւոր բաժէ*.²⁴ Царь Гагик в надписи от 992 г. освобождает от барщины — *ազատեալ եմ*.²⁵ Вдова Смбата II, мать Ашота IV, освобождает жителей Ерееройка от налога под названием тастак — *ազատեցի զերերիաց թաստակս*.²⁶ Гагик II в надписи от 1041 г. освобождает от налогов жителей Мрэна — *ազատեալ եմ*.²⁷ В упомянутой надписи магистра Аарона говорится о хрисулуе, содержащем освобождение от пакта *բերի ոսկի մասանեալ զիր ազատութեան*.²⁸ Наконец, в не менее известной надписи анийского катепана Баграта Вхкаци снятие ряда налогов, осуществленное повелением Константина IX Дуки, также трактуется как «освобождение» — *և ազատեցի զվեցկէ կողմ եւ զաշյի* и т. д.²⁹

Наряду с приведенными терминами «освобождение» может быть выражено глаголами *թողում*, *խափանեմ*.³⁰

Таким образом, в Армении, как и в Византии, «свобода» могла означать освобождение, полное или частичное, от государственных налогов и податей.³¹ Льготу именно такого характера жалует Константин Мономах церквям Кечаройка в хрисулуе, упомянутом в надписи 1051 г. Характер же документа, время и обстоятельства его издания — все это наводит на мысль о родстве его с обычной экскусионной грамотой. Как отмечал еще К. Н. Успенский,³² самое существо экскусионного пожалования построено в двух формулах: 1) *ἐξκουσσευθήσονται δὲ καὶ ἀπὸ μιτάτων... — «освобождаются от постоя и т. д.»; 2) διὸ παρεγγυόμεθα καὶ πάντας ἐξασφαλιζόμεθα ἀπὸ τε τῶν κατὰ καιροὺς σακελλαρίων — «посему мы возвещаем и обеспечиваем (ограждаем) всех от сакллариев на все времена и т. д.».* Глагол *ἐξκουσσεύω* — технический термин, он фигурирует в преобладающем большинстве грамот, жалующих экскусию, и означает освобождение от податной зависимости. Среди этих грамот встречаются оформленные таким образом, что можно говорить не только о родстве с ними, но и тождестве упомянутого в надписи хрисулула об «освобождении». Так, в сигиллии Константина Мономаха от того же 1051 г., пожалованном хиосскому Новому монастырю, говорится, что император признал право собственности на местность Калофики и подарил монастырю 24 парика. В дальнейшем было подтверждено, что эти парики навсегда получают полную свободу и экскусию, им не угрожают насилия и «новшества», они свободны от всех казенных повинностей.³³ Из контекста явствует, что тер-

²⁴ К. Костанянц. Летопись на камнях, стр. 9.

²⁵ Там же, стр. 10.

²⁶ *Գարեգին [Յովսեփեան], Գարսեղ*, стр. 179, 19, табл. XII. К. Костанянц (Летопись на камнях, стр. 21) ошибочно датирует 1038 г., в то время как действительный год появления надписи — 1028.

²⁷ К. Костанянц. Летопись на камнях, стр. 22.

²⁸ Надпись датируется 1055—1056 гг., см.: В. Н. Бенешевич. Три анийские надписи, стр. 9—10. У К. Костанянца (Летопись на камнях, стр. 27) неверная датировка 1045—1054 г. По мнению Р. М. Бартияна («Эникион» в Византии и столице армянских Багратидов Ани в эпоху византийского владычества (1045—1064 гг.). Историко-филолог. журнал, 1968, № 2), *պարսա տանդ* надписи — это налог, взимаемый с владельцев мастерских, а упомянутый выше тастак — налог, которым облагались торгавцы.

²⁹ САН, I, стр. 37, № 106, табл. XII.

³⁰ К. Костанянц. Летопись на камнях, стр. 13—15, 26; САН, I, стр. 38, № 107.

³¹ Интересные замечания о различных категориях византийских «свободных» см.: В. А. Сметанин. Деклассированная прослойка в поздневизантийской деревне. Уч. зап. Уральского гос. ун-в., серия истор., вып. 4, 1966, стр. 101 и сл., особенно прим. 62.

³² К. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи. Визант. временник, XXIII, 1923, стр. 76—77.

³³ F. Miklošič et J. Müller. Acta et diplomata graeca..., V, p. 7—8.

мины «свобода» и «экскуссия» (ἐλευθερίας πάσης καὶ ἐξουσίας) фигурируют в качестве синонимов.

Определение, данное упомянутому в надписи документу, показывает, что экскуссия, которая в XI в. уже широко распространилась в Византии, начала проникать и в присоединенную к империи Армению. Разумеется, данные надписи слишком ограничены, чтобы рассмотреть экскуссию во всех подробностях или хотя бы выявить определенные ее черты на армянской почве. Однако если «золотой перстень» надписи не что иное, как экскуссионная грамота, то с известными оговорками мы вправе предположить, что суть экскуссии существенных изменений в Армении не претерпела.

Экскуссии посвящена немалая литература, этот институт относится к числу сравнительно хорошо изученных.³⁴ Византийская экскуссия «обычно отождествляется с западноевропейским иммунитетом»,³⁵ и делается это, надо сказать, с полным основанием. Представление о западноевропейском иммунитете как полном основании. Представление о западноевропейском иммунитете как институте, оформляющем феодальные права на внеэкономическое принуждение, прочно вошло в нашу науку. В этом аспекте родилась новая по существу проблема — отношения между владельцем иммунитетной грамоты и подвластными ему крестьянами. Подобное представление об иммунитете было с успехом перенесено и на византийскую почву, экскуссионная грамота рассматривается как документ, отражающий отношения не только между государством и иммунитетом, но и иммунитетом и его париками. Таким образом, если к экскуссии-иммунитету подходить как к специфическому феодальному институту, то в нем следует выделить, с одной стороны, моменты, связанные с господством — подчинением, с другой — со способностью подчиненных создавать и обеспечивать себя средствами собственного существования. Иммунитет позволял феодалу реализовать санкционированные государством права на ренту и одновременно на личность непосредственного производителя, парика. Это обстоятельство важно подчеркнуть, потому что далеко не всякая экскуссия является иммунитетом. Из этого понятия надо исключить, например, податные льготы, которые Юстиниан II распространил на пожалованные им же церкви св. Димитрия солеварни.³⁶ По мнению А. Грегуара, эдикт Юстиниана II является прототипом бесчисленных, становящихся все более и более многословными документов, подтверждающих монастырям всякого рода иммунитеты (ἐξουσία).³⁷ Но можем ли мы

³⁴ См., например: А. П. Каждан. 1) Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 95—99; 2) Формирование феодального поместья в Византии X в. Визант. временник, т. XI, 1956; 3) Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 178—180, 182—187; 4) Экскуссия и экскуссаты в Византии X—XII вв. Византийские очерки, 1961; Б. Т. Горянов. 1) Поздневизантийский иммунитет. Визант. временник, т. XI, 1956 [здесь хороший обзор старых работ] и т. XII, 1957; 2) Поздневизантийский феодализм. М., 1962, стр. 135 и сл.; Е. Э. Липшиц. Пути формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. Визант. временник, т. XIII, 1958; М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI—XII вв. Уч. зап. Великолукского гос. пед. института, т. 3, 1958; Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. Визант. временник, т. XIII, 1958 (то же: Byzantion, XXVIII, 1958); Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 220 и сл.; В. А. Сметанин. Деклассированная прослойка в поздневизантийской деревне; К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии XIV—XV вв. М., 1968, стр. 235 и сл. и др.

³⁵ История Византии, т. 2, М., 1967, стр. 133.

³⁶ A. Vasiliev. An edict of the emperor Justinian II, September, 688. Speculum, XVIII, 1943, January; H. Grégoire. Un édit de l'empereur Justinian II, daté de septembre 688. Byzantion, XVII, 1944—1945.

³⁷ H. Grégoire. Un édit, p. 124a. Эта точка зрения принята Е. Э. Липшиц (О путях формирования феодальной собственности, стр. 4) и Г. А. Острогорским (К истории иммунитета в Византии, стр. 63).

говорить о феодальном иммунитете в случае, когда нам неизвестно, кто работал на солеварне и каковы были отношения между работниками и господами. Возможно, что на солеварне трудились наемные — мистии,³⁸ тогда налоговая льгота не могла влиять на отношения господства и подчинения. Не исключено, что сами монахи добывали и перерабатывали соль, и тогда податная экскуссия (этого термина, правда, в эдикте нет) далека от подлинного иммунитета.

Не является иммунитетом в интересующем нас смысле экскуссия на суда,³⁹ самовольное освобождение, «самоосвобождение», если можно так выразиться, влахов и болгар от уплаты налогов Лавре⁴⁰ и ряд других случаев, когда податная или иная льгота не регулирует отношений господства — подчинения.

Экскуссия является актом милости императора, оформляется императорским хрисовулом или (реже) документом, исходящим от высшего должностного лица. Во всех случаях государство поступает своими непосредственными выгодами в пользу отдельного лица, что создает своеобразные отношения между центральной властью и иммунитетом. С другой стороны, экскуссионная грамота, каков бы ни был характер перечисляемых в ней льгот, призвана удовлетворить в первую очередь экономическую заинтересованность иммунитета, заинтересованность в ренте, источником которой является труд зависимых или становящихся зависимыми крестьян. Эта черта находит отражение в византийских хрисовулах, в иммунитетных грамотах меровингских и каролингских времен и в королевских пожалованиях Англии IX и последующих столетий. Разумеется, нет оснований игнорировать существенное различие. В централизованной Византии заинтересованность в ренте удовлетворялась передачей иммунитету определенной доли государственных налогов, на западе — наделением феодала судебными и административными правами, которые позволяли ему самостоятельно взыскивать ренту. В реальной действительности, впрочем, противоположность эта носила не столь полярный характер. В Англии, например, фискальные привилегии феодалов вытекали из обретенной ими судебной власти, хотя нередко эти привилегии оформлялись иммунитетным пожалованием раньше, чем право юрисдикции.⁴¹ И в Византии можно наблюдать, как феодалы приобретают начатки судебных и административных прав.

Византийская экскуссия X—XII вв. не обеспечивала полной экзимированности поместья, не всегда передавала иммунитету всю сумму выплачиваемых крестьянами налогов. «И все-таки при всей ограниченности экскуссия способствовала дальнейшему формированию феодальных порядков: освобождая феодала от необходимости платить налоги за своих зависимых людей, экскуссия прежде всего расширяла права феодала; она избавляла, далее, его владения от обременительных поборов в пользу фемных судей, податных сборщиков и их прожорливой свиты; наконец, пожалование экскуссии имело принципиальное значение: оно превращало поместье в привилегированное, выделяло его из общей массы обязанных всеми родами повинностей земель».⁴²

³⁸ Менее квалифицированный труд выполняли мистии, см.: Р. Браунинг. Рабство в Византийской империи (600—1200 гг.). Визант. временник, XIV, 1958, стр. 44.

³⁹ G. Rouillard. Les taxes maritimes et commerciales d'après les actes de Patmos et de Lavra. Mélanges Ch. Diehl, I, 1930; H. Ahrweiler. Byzance et la mer. Paris, 1966, p. 417—418.

⁴⁰ G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavra. Paris, 1937, N 47, p. 125. 15—17.

⁴¹ Е. В. Гутнова. К вопросу об иммунитете в Англии XII века. Средние века, т. III, 1950, стр. 103.

⁴² История Византии, т. 2, стр. 248.

Как было сказано, экскуссия была институтом, оформлявшим прежде всего отношения господства—подчинения. В Византии этот институт сложился в условиях, когда частная форма эксплуатации непосредственных производителей на земле все больше и больше вытесняла государственную, в условиях разрушения общины, наступления на мелкую земельную собственность, постепенного закрепощения крестьян. Подобные процессы протекали и в Армении XI в., но начались они задолго до византийского владычества. В IX—X вв. создаются независимые армянские государства, где ведущая роль принадлежит новой феодальной знати. Правда, говорить о полном и повсеместном исчезновении старой родовой знати — нахарарства⁴³ не приходится: у кормила Анийского и Васпураканского царств встали Багратиды и Арцруниды, в Тароне правили отпрыски Мамиконянов, а начало роду Пахлавуни положил один из потомков Камсараканов. Но тон задавали новые феодальные фамилии, которые обрели силы в условиях новой, пусть не всегда устойчивой, армянской государственности. Новая знать утверждала свои права владения землями упраздненных нахарарских родов, утверждала свою власть над крестьянами, обрабатывавшими эти земли. Ширилось также церковное и монастырское землевладение. Тарон, Васпуракан, Ширак, Вананд вошли в состав Византии, когда эти процессы достигли своей полной зрелости. Иммунитет в Армении, засвидетельствованный нашей надписью, вполне согласуется с исторической действительностью не только середины XI в., но и значительно более продолжительного времени. Следует думать, что в этом документе имелась в виду, как и в Византии, экскуссия крестьян, обрабатывавших земли кечаройских церквей и становящихся подвластными этим церквям, в то время как грамота трактовалась как отвечающая интересам прежде всего церковной братии. В таком случае эта грамота, как и в Византии, оформляла отношения господства—подчинения. История аграрных отношений в Византии X—XII вв. сохранила множество подробностей, относящихся к подобного рода актам, но распространять их и на данный случай при скудости материала было бы опрометчиво.

Явления, сходные с описанными, наблюдаются и в современной судьбе Грузии. Так, сиегель грузинского царя Баграта IV (1027—1072) от 1058 г. не что иное, как иммунитетная грамота, формуляр которой восходит к византийскому образцу — экскуSSIONному хрисовулу или родственному по назначению документу.⁴⁴ Близка этому сиегелю и грамота преемника Баграта IV Георгия II от 1072 г., жалующая иммунитет Шию-Мгвимской пустыни.⁴⁵ К этому же ряду относится дарственная грамота католикаса Мелкиседека мцхетскому храму Свети-Цховели.⁴⁶ Как и следовало ожидать, в Грузии подобные документы исходят от местных правителей, в то время как доставленный Григорием Магистром подписан и скреплен печатью византийского императора. Суть дела от этого не меняется: сложившиеся и в Армении, и в Грузии общественные отношения нуждались во внедрении такого института «внеэкономического принуждения», как иммунитет. В этой связи уместно вспомнить слова Н. Я. Марра: «В Армении был настолько родственной, если не тождественной с грузинским, феодальный строй, что исследователь армянской жизни может смело пользоваться грузинскими богатыми документальными материалами для оживотворения тех отрывочных летописных данных, ко-

⁴³ Термин «нахарар» к этому времени почти не встречается и уж во всяком случае становится анахронизмом.

⁴⁴ Е. Такайшвили. Сиегель грузинского царя Баграта IV (1027—1072). ЗВОРАО, т. IX, 1896.

⁴⁵ С. С. Какабадзе. Грузинские документы Института народов Азии АН СССР. М., 1967, стр. 42—43.

⁴⁶ Там же, стр. 329—330. Грамота датируется 1020 г.

торы можно черпать в армянских источниках». ⁴⁷ С тех пор, разумеется, наука далеко шагнула вперед, и наряду с общностью мы можем выявить и безусловные различия в социальном развитии грузин и армян. Однако идея эта не утратила своего научного значения, и новых результатов следует ожидать, в частности, при параллельном изучении армянских, грузинских, кавказско-албанских и, конечно, византийских институтов.

K. N. Yuzbashyan

L' ἑξουσία DANS UNE INSCRIPTION ARMÉNIENNE DE 1051

Analyse critique d'une inscription arménienne racontant qu'en 1051 pendant le règne de l'empereur Constantin Monomaque à Kečaroik fut apportée une «bague d'or» ou chrysobulle impériale et à l'aide de ce document Grégoire le Magistre «avait libéré» (*ազատեալ է*) les églises de Kečaroik. «Liberer» au sens technique veut dire «exempter d'impôts», il s'agit d'une franchise de ce même genre faite par le chrysobulle mentionné dans l'inscription. L'époque, le caractère du document et les circonstances de sa promulgation — tout cela suggère l'idée de son identité à une charte d' ἑξουσία c'est-à-dire d'immunité byzantine.

---

⁴⁷ В. А. Миханкова. Николай Яковлевич Марр. М.—Л., 1949, стр. 66.